

РАЗГОВОР С ЭКЗЕКУТОРОМ О ПОЭЗИИ

Силу изящной словесности в XVIII веке признавали не только философы и их любовницы. За возможность влиять на нравы и дух народов авторы памфлетов и брошюр платили повышенным вниманием светских и церковных властей. При этом для того, чтобы заработать репутацию расшатывателя скреп, необязательно было писать «Орлеанскую девственницу». Комментарии военного и писателя Жан-Шарля де Фолара к его же переводу истории Полибия (1727–1730) первоначально вызвали интерес тем, что автор доказывал тактическое преимущество наступления колонной перед общепринятой тогда атакой в шеренге. Из, казалось бы, чисто тактических наблюдений автора были сделаны далеко идущие выводы о национальном духе французов, и сочинение запретили.

Подобная правоприменительная практика страшно повышала цитируемость. Стоило запретить и публично сжечь во Франции «Английские письма» Вольтера, как в соседней Голландии книгу переиздали пять раз.

Однако за игры с властью в слова приходилось отвечать по всей строгости галантного века. Когда Вольтер сел в Бастилию в первый раз — за вольное стихотворение о дофине Филиппе Орлеанском, распространившееся в списках без имени автора в 1717 году, — никто не знал, сколько времени продлится заключение. Вольтер отсидел 11 месяцев и вышел благодаря хлопотам отца и влиятельных друзей, приобретенных за годы учебы в иезуитском коллеже. Во второй раз, в 1726 году, его посадили вообще без видимых формальных оснований — так, на всякий случай. Вольтер вышел, обещав немедленно уехать из страны, что и сделал.

В 1749 году несколько месяцев в Бастилии провел начинающий писатель Дени Дидро за философское сочинение «Письма слепых в назидание зрячим». В 1757 году Людовик XV издал два указа, согласно которым за написание, издание, продажу и даже покупку сочинений, которые «будоражат умы, затрагивают религию, угрожают королевской власти или нарушают порядок и покой», следовала смертная казнь. В 1766 году монаха-расстригу Анри Дюлорана, решившего на 48-м году жизни начать карьеру мыслителя, арестовали за роман «Кум Матье, или Превратности человеческого разума». В романе содержались размышления о благе веротерпимости. Дюлоран получил пожизненное и через 27 лет умер в тюрьме.

AFP / LEEMAGE

ских императоров Священной Римской империи, не были богаты большими сражениями. За время войн армии занимали значительные территории сопредельных государств, но по итогам мирных переговоров земли возвращались обратно; это были войны больших походов, требовавших подвоза значительных запасов продовольствия. Полевая кухня была изобретена именно тогда, правда, не во французской, а в прусской армии, но все военные новшества Фридриха копировались молниеносно.

Во время войны 1740–1748 годов Вольтер и Дюверне сосредоточились на снабжении французской армии, воевавшей во Фландрии с 1743 года с высадившимся там английским экспедиционным корпусом, усиленным голландскими войсками. Боевые действия тянулись долго, сначала англичане теснили французов до самого Вормса, затем французы под командованием Морица Саксонского выдавили английскую армию обратно во Фландрию, одержав крупную победу при Фонтенуа (1745). И все это время войска ели хлеб, покупаемый и поставляемый творческим союзом Вольтера и Дюверне.

Хлеб был товаром стратегического значения. Хлебная торговля была настолько жестко регламентирована правительством (см. справку «Регламент насущный»), что никакие чисто рыночные крупные операции с этим продуктом были в принципе невозможны. Для того чтобы торговать хлебом на широкую ногу, осуществляя поставки за пределы одной отдельно взятой про-

винции, нужен был административный ресурс. И у Вольтера он в конце 1740-х годов ненадолго появился: поэта приблизили ко двору.

Интересно, что Вольтер не стремился афишировать своего участия в проекте. Все знали, что войска во Фландрии кормит Пари-Дюверне. Именно его французский маршал Ноай называл «мучным генералом», о Вольтере помину не было. Оно и понятно: инсайд о заработках на поставках в действующую армию обрушил бы акции Вольтера на европейской бирже Просвещения. Как автор «Философского словаря» Вольтер называл войну «проклятием, тяготеющим над нами и губящим нас самым ужасным образом». В качестве поставщика французской армии во Фландрии Вольтер по итогам одного 1748 года заработал 17 тыс. ливров, дебиторская задолженность королевской казны на эту сумму — самый крупный актив Вольтера в его балансе 1749 финансового года (общая сумма активов превышала по году 74 тыс. ливров). Общий валовой доход Вольтера от участия в операциях по снабжению армии оценивается в 600 тыс. ливров.

Выход из проекта

Военные заработки Вольтера закончились вместе с войной за австрийское наследство. В 1748 году стороны заключили Ахенский мир, по договору Франция лишилась части американских колоний в пользу Англии, которая гораздо успешнее действовала на море, чем на суше. В Европе Франция ничего не получила, но и не потеряла. «Войска пришли

**Командовать ротой
было прибыльным,
но высокорисковым бизнесом**

и спать легли», — слова Александра Блока, которыми он подводил итог участия другой страны в другой войне, вполне подошли бы в данном случае.

Условий для продолжения участия Вольтера в партнерстве с военно-промышленным комплексом Людовика больше не было: в 1748 году Вольтер, вставший в немилость при дворе Людовика, переместился в Лотарингию, к Станиславу Лещинскому. В 1750-м он принял приглашение Фридриха II и уехал в Потсдам камергером и носителем языка, редактирующим французские сочинения прусского императора. Пассивы, накопленные на армейском ГЧП, Вольтер большей частью превратил в активы, выдав несколько крупных ссуд надежным заемщикам, а если финансовое положение заемщика вызывало вопросы, Вольтер обеспечил ссуды земельными залогами. В то время перевозить с собой большие суммы было затруднительно: во Франции (в отличие от Англии, где бумажный фунт стерлингов появился еще в 1694 году) это должны были быть буквально мешки звонкой монеты. Заемные письма и векселя обеспечивали мобильность капиталов.

Оказавшись при прусском дворе, Вольтер немедленно занялся спекуляциями с саксонскими ценными бумагами. Предприятие закончилось для него плачевно: операции были незаконны, Вольтер не сошелся в процентах с посредником, состоялся суд, пришлось списать 1 тыс. ливров финансовых потерь, не говоря уже о гудвилле. Фридрих, выписывавший себе философа для собеседований, а не придворного спекулянта, был в ярости. Но Вольтера было не переделать. Еще много раз до конца жизни он зарабатывал сотни тысяч, терял их и снова зарабатывал. Много раз своими действиями он наносил, казалось бы, смертельные удары своей репутации. Чего стоит хотя бы всплывшая история продажи на рынке свечей, которые Фридрих ежемесячно в количестве 12 фунтов отпускал своему придворному философу бесплатно. Такая история из-под любого публичного политика выжила бы пьедестал. Но Вольтер так и остался сидеть навеки в своих белых мраморных креслах работы скульптора Гудона, посмеиваясь над собой: проклятый авитаминоз, все зубы выпали — и вот такая многозначительная улыбка получилась. ●